

**ПОГРАНИЧНЫЕ
ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРЫ**

ACTA UNIVERSITATIS TALLINNENSIS

Humaniora

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Тийна Кирсс (Таллиннский университет)

Юри Кивимяэ (Университет Торонто)

Даниэле Монтичелли (Таллиннский университет)

Рейн Рауд (Таллиннский университет)

Эрки Руссов (Таллиннский университет)

Томас Салуметс (Университет Британской Колумбии)

Анне Тамм (Флорентийский университет)

Григорий Утгоф (Таллиннский университет)

Корнелиус Хассельблатт (Университет Гронингена)

Таллиннский университет
Эстонский гуманитарный институт
Эстонский фонд семиотического наследия

ПОГРАНИЧНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРЫ

Перевод. Диалог. Семиосфера

Материалы Первых Лотмановских дней
в Таллиннском университете
(4–7 июня 2009 г.)

Редактор-составитель
И. А. Пильщиков

TLU Press
Таллинн 2011

ACTA Universitatis Tallinnensis

Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora

Пограничные феномены культуры
Перевод. Диалог. Семиосфера
Материалы Первых Лотмановских дней
в Таллиннском университете
(4–7 июня 2009 г.)

Редакторы сборника

Т. Д. Кузовкина, И. А. Пильщиков,
Н. В. Поселягин, М. В. Трунин

Издание подготовлено при поддержке Европейского социального фонда (European Social Fund) и Эстонского научного фонда (Eesti Teadusfond) в рамках работ по проектам MJD84 и JD171, а также Лотмановской стипендии Таллиннского университета.

© Авторы статей, 2011

© И. А. Пильщиков, составление, 2011

© Tallinna Ülikooli Kirjastus, 2011

ISSN 2228-026X

ISBN 978-9985-58-714-0

TLÜ Kirjastus
Narva mnt 29
10120 Tallinn
www.tlupress.com

Trükk: Alfapress

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....7

I

Наталия Автономова (Москва)

Проблема перевода в свете идеи продуктивной
непереводимости (по страницам работ
Ю. М. Лотмана)19

Богуслав Жилко (Гданьск)

К проблеме межкультурного перевода 36

Игорь Пильщиков (Таллинн – Москва)

Семиотика фонетического перевода 54

Алексей Семенов (Стокгольм)

О мозге, мышлении и границах семиосферы..... 93

II

Елена Погосян (Эдмонтон),

Мария Сморжевских-Смирнова (Таллинн)

Екатерина Алексеевна – российская государыня
и царская невеста на ревельской иконе 117

Вадим Парсамов (Москва – Саратов)

«Россия – Запад» в идеологии заграничных походов
русской армии 1813–1814 гг. (А. С. Шишков
и С. С. Уваров)..... 145

Лариса Вольперт (Тарту)

Сновидение как пограничье жизни и смерти
(«Сон» Лермонтова и «Сон» Байрона)173

<i>Александр Данилевский (Таллинн)</i>	
«Записки сумасшедшего» и «Горе от ума»: проблема генезиса.....	183
<i>Татьяна Кузовкина, Дмитрий Кузовкин (Таллинн)</i>	
Понятие границы в работах Ю. М. Лотмана о Гоголе: к эволюции научного языка ученого	199
<i>Николай Богомолов (Москва)</i>	
Поэзия и наука, или Почему Ходасевич не написал учебника поэтики	212
<i>Сергей Доценко (Таллинн)</i>	
«Свое» и «чужое» в книге М. Безродного «Конец Цитаты»	223
III	
<i>Яан Росс (Тарту – Таллинн)</i>	
О звукозаписях, сделанных в германских лагерях для военнопленных во время Первой мировой войны.....	243
<i>Галина Пономарева (Таллинн)</i>	
Размышления Раисы Орловой о русско-эстонском диалоге	265
<i>Томаш Глани (Прага – Берлин)</i>	
Нелегкомысленная легкость Владимира Мацуры.....	277
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Abstracts	293
Kokkuvõtted.....	300
Программа Первых Лотмановских дней (Таллинн, 4–7 июня 2009 г.).....	306
Программа Вторых Лотмановских дней (Таллинн, 4–6 июня 2010 г.).....	309

ОТ РЕДАКТОРОВ

В сборнике представлены материалы Первых Лотмановских дней в Таллиннском университете, организованных Эстонским фондом семиотического наследия (Eesti Semiootikavaramu Sihtasutus).

Фонд семиотического наследия, учрежденный в 2005 г. при Таллиннском университете, приобрел библиотеку и архив Юрия Михайловича Лотмана и Зары Григорьевны Минц. Основная задача Фонда – творческое развитие научного потенциала лотмановского наследия в области семиотики, теории литературы и истории русской культуры. Для продуктивного развития научных идей необходимо обсуждение их в профессиональном сообществе, поэтому по инициативе ректора Таллиннского университета профессора Рейна Рауда с 2009 года Фонд начал проводить ежегодные Лотмановские дни в Таллиннском университете.

В отличие от международных симпозиумов, которые также носят имя Лотмана и проводятся в Москве и Тарту, встречи в Таллинне включают в себя не только научные конференции, темы которых связаны с кругом интересов Ю. М. Лотмана, но и другие культурные мероприятия. Традиционными становятся встречи с современными литераторами. На Первых Лотмановских днях (4–7 июня 2009 г.) состоялась презентация романа философа и писателя Владимира Кантора «Крокодил» в эстонском переводе Юрия Оямаа, а также литературный вечер с участием одного из ведущих российских прозаиков – Владимира Маканина (вечер вела профессор Таллиннского университета Ирина Белобровцева). Принципиальной для Лотмановских дней стала установка на межкультурный диалог, о значении которого много писал Ю. М. Лотман: организаторы были рады возможности провести «чешский вечер», посвященный культурологу, литературоведу и переводчику

Владимиру Мацуре (1945–1999), в сферу интересов которого входила эстонская литература. Вечер открыл Чрезвычайный и Полномочный посол Чешской республики в Эстонии Александр Лангер. Томаш Гланц представил подготовленную им к печати книгу Мацуре «Šťastný věk»; о своих встречах с ученым рассказали Рейн Вейдемманн, Михаил Лотман и Олег Малевич.

В рамках Первых Лотмановских дней прошла международная научная конференция на тему «Пограничные феномены культуры». Коллеги и ученики Ю. М. Лотмана, а также исследователи, для которых его идеи сохраняют актуальность, обсуждали проблемы пограничности, маргинальности, перевода, диалога и понимания в аспекте семиотической герменевтики. Ключевым концептом, объединившим работы на разные темы, стал концепт «границы».

Одним из центральных понятий в семиотике Ю. М. Лотмана является пространство. Обычно оно представляется как сетка узловых точек, соединенных и одновременно разделенных семиотическими границами. Граница связывает любые две точки пространства семиосферы и не дает им слиться, выступая, с одной стороны, медиатором между ними, а с другой, – тем фактором, который определяет их как самостоятельные объекты. В модели Ю. М. Лотмана за пределами семиотических границ остается лишь внезапная пустота, которую невозможно увидеть и проанализировать с помощью выработанного тартуско-московской школой инструментария, направленного на выявление знаковости во всех объектах культуры и – шире – универсума в целом. Поэтому семиотична только сама граница.

Это, в свою очередь, размывает понятие «границы» как таковой: она превращается в автономный семиотический процесс, протекающий во времени и семиотизирующий всё, что попадает в его русло, – подобно царю Мидасу, который обращал любой предмет в золото. Однако исходя из такого истол-

кования феномена «границы», можно легко прийти к тем же выводам, что и Ж. Деррида, который анализировал не менее всеобъемлющее понятие «Текста». Такой поворот дел явно не входил в намерения Лотмана, и в книге «Внутри мыслящих миров» он попытался уточнить (и сузить) понимание этого потенциально беспредельного явления:

Внутреннее пространство семиосферы парадоксальным образом одновременно и неравномерно, асимметрично, и едино, однородно. Состоя из конфликтующих структур, оно обладает также индивидуальностью. Самоописание этого пространства подразумевает местоимение первого лица. Одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница. А границу эту можно определить как черту, на которой кончается периодичная форма. Это пространство определяется как «наше», «свое», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» и т. д. Ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое»¹.

Итак, не процесс, а субъект. Однако субъект в размышлениях Ю. М. Лотмана представляет собой не дискретное, а континуальное пространство, которое является ключевым для существования семиосферы и при этом выпадает за ее пределы. Действительно, если это субъектное пространство по природе своей непрерывно, значит, его уже нельзя охватить сеткой категорий, то есть прочертить в нем внутренние границы и тем самым превратить в семиотический объект. Границы у субъектного пространства есть, но только внешние, благодаря которым оно и смыкается с окружающей семиосферой, внутри же себя оно – чистое неделимое бытие, лейбницевская монада. В определенном смысле можно сказать, что не субъектное пространство

¹ Ю. М. Лотман, *Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история*, Редактор Т. Д. Кузовкина, Москва: Языки русской культуры, 1996, с. 175.

(настолько замкнутое, что для семиотики оно превратилось в *das Ding an sich*), а именно граница является основополагающим понятием во всех теоретических размышлениях позднего Лотмана. Неслучайно в его концепции с феноменом «границы» связаны такие понятия, как «перевод», «непереводимость», «диалог», «имя» и «история».

В предлагаемом сборнике представлены статьи, посвященные вопросам пограничных, маргинальных и переходных феноменов в истории культуры *sub specie* проблем понимания, диалога и перевода.

Сборник открывается статьей *Наталии Автономовой*, которая рассматривает вклад Ю. М. Лотмана в постановку проблемы перевода, приобретшей в наши дни принципиальное значение в философии и в исследованиях культуры. Специфика лотмановской трактовки связана с его пониманием культуры как многоязычия, требующего перевода, а культурной памяти – как включения того или иного факта в развернутую систему языковых связей, переводящих непосредственный опыт в текст.

О понимании Ю. М. Лотманом познания как «перевода», который из периферийного термина с ограниченной сферой употребления превратился в один из универсальных научных концептов, говорит *Богуслав Жилко*. Исследователь обращает внимание на особую роль перевода в процессах межкультурной коммуникации и в связи с этим сопоставляет лотмановскую точку зрения с теориями других ученых – Б. Малиновского, М. М. Бахтина и, наконец, с герменевтической антропологией К. Гирца с ее вниманием к значению и значимости культурных феноменов в актуальных для них самих культурных системах.

Обсуждению маргинальных ситуаций и обслуживающих их средств художественного перевода посвящена статья *Игоря Пильщикова*. В ней разбираются произведения переводной поэ-

зии, которые устанавливают отношения переводческой эквивалентности с оригиналом не столько на лексическом уровне, сколько в области фоники, грамматических категорий и ритмико-синтаксических параметров стиха. Лингвистические, семиотические и культурологические аспекты феномена «фонетического перевода» рассматриваются на примерах из переводных текстов Жуковского, Тютчева и Мандельштама.

Завершает первый раздел статья *Алексея Семененко*, обращенная к периоду 1970–1980-х годов, когда для многих участников московско-тартуской школы стала актуальной проблема биполярной асимметрии человеческого мозга и тезис о ее функциональном изоморфизме с семиотическими механизмами культуры. В статье исследуется вопрос, возможно ли в наше время с помощью нейронауки понять механизмы мышления и смыслопорождения.

Второй раздел сборника посвящен вопросам истории русской культуры и ее взаимодействия с западноевропейскими культурами. Взаимовлияние внутрисистемного («своего») и иносистемного («чужого», заимствованного) рассматриваются авторами сборника как еще одна манифестация «пограничности».

Елена Погосян и Мария Смержевских-Смирнова рассказывают о необычной иконе, написанной в Ревеле в 1711 г. по заказу губернатора Эстляндии А. Д. Меншикова, на которой среди многочисленных персонажей и эмблем были представлены царь Петр и государыня Екатерина Алексеевна. В статье комментируется эмблематический контекст иконы, а также демонстрируется, каким образом события публичной и частной жизни монарха – Прутский поход и назначенное на февраль 1712 г. бракосочетание с Екатериной – находят отражение в композиции и содержании ревельской иконы.

Вадим Парсамов анализирует два представления об идеологической границе, разделяющей Россию и Европу во время войны с Наполеоном 1813–1814 гг. Государственный секретарь

А. С. Шишков, последовательно противопоставлявший Россию и Европу, полагал, что победа России есть результат ее культурного превосходства над Западом (такая точка зрения подчеркивала наличие границы, отделяющей «свое» пространство от «чужого»). С. С. Уваров, напротив, считал, что победа России означает ее вхождение в Европу – это, в свою очередь, предполагало снятие идеологических границ и построение новых международных отношений, в которых Россия должна была играть ведущую роль.

Лариса Вольперт сопоставляет стихотворение Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...», 1841) с одноименным стихотворением Байрона («The Dream», 1818): в тексте английского поэта художественно сублимирована концепция сна как своеобразной границы между жизнью и смертью; у Лермонтова нет теоретических размышлений, однако так же, как и у Байрона, присутствует понимание сновидения как пограничья жизни и смерти. В отличие от Байрона, русский поэт облек абстрактную идею в форму художественных образов, предложив своеобразную эстетическую иллюстрацию философской концепции.

Александр Данилевский посредством сопоставительного анализа текстов обосновывает генетическую связь «Записок сумасшедшего» с «Горем от ума» и, соответственно, образа Поприщина – с образами Чацкого и Молчалина одновременно. Автор статьи показывает, как Гоголь, актуализируя в сознании читателей своей повести контекст «Горя от ума» и наделяя собственного персонажа взаимоисключающими «молчалинской» и «чацкой» ипостасями, внедряет в это сознание определяющую константу своей индивидуальной «художественной антропологии» – представление о неустранимой антиномии «земного» и «небесного» в человеке.

Татьяна и Дмитрий Кузовкины на примере работ Ю. М. Лотмана о Гоголе рассматривают эволюцию понятия границы – одного из важнейших в лотмановской семиотике культуры.

Имманентные описания гоголевских текстов на основе классификации разных типов художественного пространства в середине 1970-х годов сменяются статьями о взаимодействии текста с внетекстовой реальностью, а в начале 1990-х – публицистическими эссе, осмысляющими феномен позднего Гоголя в философско-этическом и автобиографическом аспекте. В работах 1960–1980-х годов используется концепт границы, однако его содержание меняется от десятилетия к десятилетию: от «границы» как категории художественного мышления Лотман переходит к семиотической проблеме границы между не-текстом и текстом (или субъектным пространством и семиосферой).

Николай Богомолов в статье, материалом для которой послужил неопубликованный черновой автограф В. Ходасевича, исследует случай работы поэта над кратким курсом поэтики и предпринимает попытку объяснить, почему работа осталась незавершенной. Пограничная область – стиховедение – оказывается невозможной для описания и объяснения, поскольку, во-первых, собственная практика охватывает далеко не все стороны данной проблематики, а во-вторых, – сугубо научная позиция оказывается невозможной из-за настоятельной необходимости включения авторской субъективности в формализуемые описания.

Сергей Доценко анализирует социокультурные и лингвистические аспекты оппозиции «свое» – «чужое» в книге М. Безродного «Конец Цитаты». Автор статьи приходит к выводу, что эта значимая оппозиция актуализируется при помощи автобиографического кода, важным элементом которого оказывается «петербургский текст» русской культуры. Кроме того, сама проблема «цитаты» может быть понята через призму этой же оппозиции: цитата – эмблема «своего» в «чужом», или – не «своего» и не «чужого» одновременно.

Третий раздел сборника, где в свете идей Ю. М. Лотмана обсуждаются проблемы межкультурного диалога, открывается

статьей *Яана Росса*, который рассматривает фонографические и грамофонные записи информантов эстонского происхождения, сделанные в четырех германских лагерях для военнопленных в 1916–1918 гг. Записанный материал (уникальный для лингвиста и историка культуры) содержит чтение информантами отрывков из Библии и из произведений эстонских писателей, примеры устного народного творчества, а также специально подобранные высказывания, иллюстрирующие фонетические и фонологические особенности эстонского языка.

В статье *Галины Пономаревой* рассказывается о работе филолога и правозащитницы Раисы Орловой (будущей жены Льва Копелева) в Таллиннском учительском институте с 1951 по 1953 г. Преподавательская деятельность Орловой в Таллинне оценивается как диалог, удавшийся лишь частично, – он состоялся со студентами, однако не удался с эстонскими и русскими коллегами по институту. Такая ситуация связана со значимостью оппозиции «свое – чужое» для местных жителей: для них Орлова и ее тогдашний муж Н. А. Орлов (уполномоченный по сельскому хозяйству, занимавшийся заготовкой сельхозпродуктов из Эстонии для Москвы) – чужаки, представители метрополии, русификаторы. В целом мемуаристка оценивает свою жизнь в Эстонии позитивно: Таллинн стал для нее «убежищем от эпохи, от всей грязи, от подлости, от того, что свершалось совсем рядом».

Завершает сборник статья *Томаша Гланца* о чешском культурологе, литературоведе, лексикографе и переводчике Владимире Мацуре. Его роль в чешской рецепции эстонской культуры чрезвычайно велика: он перевел более 30 эстонских поэтов и опубликовал монографию об А. Х. Таммсааре. Мацура не участвовал в диссидентском движении и не принадлежал к коммунистическому истеблишменту, что позволяло ему непредвзято оценивать чешскую культуру XIX–XX вв. – шла ли речь о Чехии периода национального возрождения, или о Чехии эпохи социализма. В работах Мацуры академичность

стиля соединяется с неожиданным выбором тем (метро, спартакиада, история пивных) и смелостью выводов, сделанных на основе большого фактического материала.

С темами докладов, прозвучавших на конференции, но не вошедших в сборник, читатель может ознакомиться, открыв Программу Первых Лотмановских дней, помещенную в Приложении к настоящему изданию. Там же опубликована Программа Вторых Лотмановских дней (Таллинн, 4–6 июня 2010 года), по материалам которых в серии «Humaniora» будет выпущен новый том, озаглавленный «Случайность и непредсказуемость в языке, культуре и литературе».

Редакторы благодарны Д. Э. Кузовкину и Г. Г. Суперфину за помощь в подготовке книги.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА В СВЕТЕ ИДЕИ ПРОДУКТИВНОЙ НЕПЕРЕВОДИМОСТИ (по страницам работ Ю. М. Лотмана)

Наталья Автономова
(Москва)

Проблема перевода, возникающая на перекрестке разных дисциплин, стала в наши дни одной из самых актуальных в современном гуманитарном познании. Она существовала всегда, но не всегда осмыслялась как таковая; напротив, в последнее время мы видим, что ее так или иначе обсуждают представители всех направлений современной мысли. Некогда эта проблема трактовалась прежде всего как техническая и лингвистическая, а теперь она фактически превратилась в важнейшую философскую проблему¹. Это произошло на определенной стадии процесса, называемого «лингвистическим поворотом»: сначала проблему «мышления, мыслящего самого себя», потеснила проблема языка, затем язык явился перед нами в связи с пониманием, коммуникацией, диалогом, и вот теперь на первый план вышла проблема перевода. Очевидно, что перевод понимается здесь не только в собственном, или узком, смысле слова (как переложение текста, написанного на одном языке, на другой язык), но также в более широком познавательном и философском смысле. Выход проблемы перевода на авансцену интеллектуальной работы заставляет нас по-новому трактовать бытие объектов гуманитарного познания, подчеркивая их несубстанциональность и динамичность, заостряя роль вопросов, связанных с пониманием и его механизмами в культуре. В этой работе мы с благодарностью

¹ Этот тезис представлен в моей книге «Познание и перевод» (Автономова 2008).

обращаемся мыслью к тем, кто наметил контуры современной проблемы перевода; важнейшее место среди этих исследователей занимает Юрий Михайлович Лотман.

Многоязычие культуры

Насколько я могу судить, отдельных текстов, специально посвященных проблеме перевода, у Ю. М. Лотмана нет; мысль о переводе возникает у него по ходу обсуждения других проблем – культуры и культурной памяти, познания, человеческих взаимодействий, соотношения языка наблюдателя и языка наблюдаемого объекта и др. Однако у нас есть основания считать эту проблему важной для Лотмана, а его самого – автором интересной концепции перевода, которая не проработана в деталях, но представлена в своих существенных чертах.

В основе лотмановской концепции перевода лежит понимание культуры как многоязычия: именно наличие разных языков требует перевода, стимулирует деятельность переводчика. В свою очередь, понимание культуры как многоязычия имеет определенные эпистемологические следствия. Реальность не может описываться одним языком: модель общения с одним языком, к тому же взятая в статическом состоянии, – это умозрительное отвлечение от той динамической структуры, которая, по сути, и есть единственная культурная реальность. А потому исследователю культуры нужно исходить из более сложной модели со многими языками.

В одном из своих последних интервью, подытоживая познавательный опыт московско-тартуской семиотической школы, Лотман подчеркнул именно эту сторону дела:

Одна из фундаментальных особенностей тартуской школы состоит в представлении о том, что мир не может иметь один язык и что реальность не описывается одним языком. Мини-

мум – много языков. Можно даже предположить, что это число *открытое* (Лотман 2003: 288)².

Лотман обосновывает эту мысль сразу в нескольких направлениях – культурологическом, семиотическом, когнитивном:

Семиотические идеи долгое время исходили из представления, что есть говорящий, слушающий и язык общения. Тартуская школа коренным образом изменила это представление. Система, обладающая одним языком, может быть теоретической моделью, но в реальности существовать не может. То, что долгое время казалось *изобилием природы, ее расточительностью* – она наделила каждого разной внешностью, разной судьбой, разными языками, – оказалось *необходимостью* (Лотман 2003: 288)³.

Стало быть,

объектом <...> семиотики оказывается не какой-либо изолированный язык (изолированный язык не работает!), а *культура* – сложная структура, включающая в себя языки и другие семиотические объекты и являющаяся коллективным мозгом человечества (Лотман 2003: 116; курсив Ю. Л.).

Все эти вопросы по сути своей – философские, все они проходят через область перевода как условия культуры. Именно совокупность языков, совместно реализующих эту «необходимость *другого* (другой личности, другого языка, другой культуры)» (Лотман 2000: 13; курсив Ю. Л.), является рабочим механизмом и условием культуры: без этого невозможны ни общение,

² Здесь и далее, за исключением особо отмеченных случаев, курсив мой. – Н. А.

³ Впервые этот текст Лотмана («Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...») вышел в феврале 1993 г.: публикация готовилась к 71-летию Лотмана; она представляет собой в основном ответы на вопросы журналистки; приводимая выше ее часть взята из фрагмента монолога, разделенного на подглавки.

ни познание⁴. А следовательно, условием человеческой культуры выступают многообразные механизмы перевода: «само существование культуры подразумевает построение системы, *правил перевода непосредственного опыта в текст*» (Лотман 1993: 329).

Как известно, в качестве одного из главных свойств и опор культуры Лотман рассматривает память. Для того, чтобы то или иное индивидуальное событие вошло в коллективную память, оно должно быть обработано «запоминающим устройством», включено в развернутую систему языковых связей, или «записано»: только тогда у него появится шанс стать элементом памяти и тем самым – элементом культуры. Трактовка процесса запоминания как языковой обработки и трансформации опыта у Лотмана достаточно последовательна: процесс функционирования культуры как памяти – это всегда так или иначе перевод в широком смысле слова. Ср.: «<...> внесение факта в коллективную память обнаруживает все признаки *перевода* с одного языка на другой, в данном случае – на „язык культуры“» (Лотман 1993: 329).

Обсуждая проблему перевода, Лотман выходит за рамки межъязыковых взаимодействий, расширяет философскую сцену, на которой она разыгрывается. Так, в работе «Культура и взрыв» (Лотман 1992; исправленное издание: Лотман 2000: 11–148) проблема перевода становится одновременно и общей проблемой семиозиса. Семиотическая схематика вовсе не предполагает, что всё существующее – языки и только языки. Помимо языка, существуют и другие формы реальности – как выраженной в языке, так и выходящей за его

⁴ Мысль о необходимости *другого* предстает у Лотмана не только в эпистемологическом, но и в экзистенциально-этическом ключе: «Будущее – не в стирании национальных границ, а в понимании чужого, в понимании *необходимости чужого*: чужой, инакомыслящий, иначе устроенный для меня мучительно необходим и составляет мое мучительное счастье» (Лотман 2003: 121).

пределы⁵. Мысленный охват этих разных реальностей осуществляется в несколько приемов. Прежде всего, на месте прежней символической инстанции «я мыслю» у Лотмана появляется субъект языка⁶, затем – уже с учетом этой замены – формулируется и вопрос о субъекте и объекте познания; итоговая расчлененная картина включает объективный мир, выраженный в языке и зависящий от его возможностей, язык, которым пользуется субъект, и ту иную объективность, которая и есть мир за пределами языка. Для постижения этих миров как раз и требуется множество языков или даже «открытое число» языков, взаимодействие которых создает более объемную культурную проекцию отображаемой реальности.

Познание и перевод

В целом проблема перевода возникает при столкновении разных языков, что происходит в культуре, в науках и во всех других областях человеческой деятельности. Этот тезис можно повернуть и другой его гранью: процесс перевода может быть описан на разных языках – математики, философии, искусства; перевод значим во всех областях – «от ядерной физики до лингвистики»; он выступает как «универсальная задача» для всех областей познания и культуры. Вместе с этим, подчеркивает Лотман, в разных областях науки актуализируется еще один

⁵ Иначе говоря, «семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, *разной степенью неперево­димости и пространствами неперево­димости*. Под этим пластом расположен пласт «реальности» – той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархической соотнесенности. Оба эти пласта вместе образуют семиотику культуры. За пределами семиотики культуры лежит реальность, находящаяся вне пределов языка» (Лотман 2000: 30).

⁶ Нечто похожее делал некогда и Леви-Строс, когда оспаривал декартовскую и сартровскую инстанции Я в ситуации различия языков и культуры.

аспект проблемы перевода – речь идет о взаимодействии мета-языка описания и языка описываемого объекта:

Современная наука в разных своих сферах – от ядерной физики до лингвистики – видит ученого внутри описываемого им мира и частью этого мира. Но объект и наблюдатель, как правило, описываются разными языками. Следовательно, возникает *проблема перевода* как универсальная научная задача (Лотман 2000: 386; курсив Ю. Л.).

В приведенных выше отрывках из текстов Лотмана мы видим вполне продуманную эпистемологическую позицию, опровергающую мнения тех, кто отрицает у Лотмана и тартуской школы способность и вкус к методологической рефлексии.

Взаимодействие объекта и субъекта представлено здесь через взаимодействие их языков – языка описываемого объекта и языка наблюдателя (познающего):

Из наивного мира, в котором привычным способом восприятия и обобщения его данных приписывалась достоверность, а проблема позиции описывающего по отношению к описываемому миру мало кого волновала, <...> наука перешла в мир относительности. Вопросы языка стали касаться всех наук (Лотман 2000: 386).

Иначе говоря, именно осознание языковой фактуры субъект-объектного взаимодействия и позволяет нам перейти с позиции наивного реализма на позиции относительности познания, позволяющие учитывать преломленность познавательного процесса, его опору на языковые и знаково-символические средства. Тезис об относительном характере познания вовсе не обесмысливает сам поиск истины, однако напоминает о том, что объекты мысли несубстанциональны, а познание, по сути, представляет собой не что иное, как перевод, а не буквальное изображение своего предмета. Лотман – единственный из известных мне исследователей, кто прямо связывает *познание* с

переводом. Так, рассуждая об объекте познания, о его облике и свойствах, мы уже прибегаем к переводу: подчас Лотман прямо уравнивает познание, описание и перевод⁷. При этом и сам познавательный акт выступает как действие перевода: «<...> сама природа интеллектуального акта может быть описана в терминах *перевода*, определение значения – *перевод* с одного языка на другой <...>» (Лотман 2000: 17). Все эти моменты лотмановской концепции познания как перевода обозначены здесь лишь схематически, но могут быть подробно представлены на самом разном материале.

Как уже отмечалось, Лотмана весьма занимала проблема языка-объекта и метаязыка. Человеческий язык как особая конструкция имеет свой метауровень, с которым связана способность к самокоррекции – своего рода внутренней рефлексии, не обязательно проходящей через ясное самоосознание. Уже Якобсон пристально вглядывался в метаязыковую способность языков – в частности, в связи с процессами перевода: способность говорить на каком-то языке подразумевает также и способность говорить об этом языке и тем самым отстраняться от самого себя, переводить свою позицию в иные термины. Якобсон возводил мысль о метаязыковом характере естественного языка на уровень научной теории, изучающей переходы объектных утверждений в метаязыковые и наоборот: этот вопрос рассматривался, в частности, во время его совместных семинаров с Нильсом Бором, на которых, помимо прочего, обсуждались различные аспекты соотношения естественных наук с лингвистикой.

Лотман развивает эти мысли Якобсона применительно к историческому познанию. Историк, считает Лотман, обязан учитывать соотношения между метаязыком (языком описания) и объектным языком, владеть механизмом перевода с

⁷ Ср.: «<...> мы начинаем познавать, описывать, *то есть переводить* на какой-то другой язык» (Лотман 2003: 287).

одного языка на другой. Вследствие этого Лотман выступает против таких исторических подходов, для которых «мир объекта» и «мир историка» сливаются или даже идентифицируются (таким примером была для него историко-теоретическая концепция Коллингвуда). По Лотману, задачей исследователя применительно к этим двум мирам, объектному и метаязыковому, становится не только не слияние, но, напротив, «предельное обнажение различий в их структурах, описание этих различий и трактовка понимания как *перевода* с одного языка на другой» (Лотман 2000: 388; курсив Ю. Л.). И эта потребность в переводе здесь понятна: историк и история, наблюдатель и объект «говорят на разных языках», а потому их соотнесение невозможно без многократного, многоуровневого перевода: «перевод языка источника на язык исследователя» выходит здесь на первый план (Лотман 2000: 386).

Якобсон о переводе

В своем осмыслении проблемы перевода Лотман не только опирался на концепцию, предложенную Романом Якобсоном, но во многом выходил за ее пределы. Напомню, что Якобсон исходит из трех типов перевода: внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический (Якобсон 1985: 362). На первый взгляд, такой порядок значимостей кажется странным: разве не межъязыковой перевод (или «собственно перевод») первым приходит на ум, когда мы говорим о переводе?⁸ Но Якобсон начинает с внутриязыкового перевода – быть может потому, что в нем особенно ясно представлен процесс развертки знака в процессе придания знаку значения⁹: как известно, вопрос

⁸ Умберто Эко уточнял, что и относительно «собственно перевода» мы, вопреки очевидности, мало что знаем; все виды перевода в известном смысле – загадка.

⁹ Ср.: «Для нас, лингвистов и просто носителей языка, значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак, особенно в такой, в кото-